

ФАКТОРЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРЫМУ И НА ДОНБАССЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Андрей БАРАНОВ
Кубанский государственный университет

Аннотация: Исследование имеет целью выявить сходства и различия факторов укрепления российской национальной идентичности в Крыму и на Донбассе (2014–2024 гг.) в контексте политики памяти и символической политики. Исследовательский вопрос состоит в том, какова совокупность факторов укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации и почему проявляются различия в распространенности российского самосознания в сравниваемых регионах. Методологической основой исследования выбран социальный конструктивизм. Применяются системный, сравнительно-функциональный и кросс-региональный сравнительный методы анализа. Проведено кросс-временное сравнение результатов анкетных опросов и переписей населения. Выявлены такие факторы укрепления российской идентичности в Крыму и на Донбассе, как историческая память региональных сообществ, изменения этнического и языкового состава населения, урбанизация, состав и практики деятельности субъектов политики идентичности. На основе результатов анкетных опросов и переписей населения установлено, что в наибольшей степени склонны признавать российскую национальную идентичность в качестве первоочередной лица среднего и пожилого возраста, этнические русские, мужчины, жители крупных городов, имеющие высшее образование. Полиэтничность и поликонфессиональность сообществ Крыма и Донбасса определяют неравномерность укрепления российской идентичности; данный процесс зависит также от продолжительности проведения политики, направленной на реинтеграцию с Россией. Поэтому российская идентичность в Крыму, особенно – в промышленных городах (г. Севастополе, Керчи) более консолидированна, чем в недавно освобожденных районах Донбасса, например, в г. Мариуполе. Выявлен состав субъектов политики идентичности в новых субъектах федерации, к которым относятся федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, образовательные учреждения и музеи, национально-культурные и религиозные организации. На основании сравнения результатов социологических опросов, при всей их фрагментарности, можно предположить,

Андрей Владимирович Баранов – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет.
ORCID 0000-0001-7109-3062. E-mail: baranovandrew@mail.ru
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

Поступила в редакцию: 04.08.2024

Принята к публикации: 22.10.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

что в условиях специальной военной операции отмечено укрепление российской идентичности в Крыму и на Донбассе. Это объясняется актуализацией исторических традиций, адаптацией общества к военным условиям, консолидацией российского общества перед лицом геополитической угрозы.

Ключевые слова: российская идентичность, политика идентичности, факторы укрепления идентичности, направленность политики идентичности, политика памяти, символическая политика, Крым, Донбасс

Интеграция новых субъектов федерации – длительный и сложный процесс, в котором значительную роль играет принятие жителями регионов ценностей и ориентаций, свойственных российскому самосознанию. Актуально выявление факторов упрочения российской идентичности, причин неравномерности процесса в различных территориальных сообществах, возрастных и этнических группах; определение степени влияния российской политики памяти и символической политики. Тема исследована неравномерно, что побудило нас ограничить пространственные рамки анализа Крымом и Донбассом (о процессах в Запорожской и Херсонской областях информации недостаточно). Цель настоящего исследования заключается в выявлении факторов укрепления российской национальной идентичности в Крыму и на Донбассе (2014–2024 гг.) в контексте политики памяти и символической политики.

Методологические аспекты исследования укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации

Методологической основой исследования выбран социальный конструктивизм. За основу взято определение национальной идентичности И.С. Семеновко в качестве коллективной идентичности национально-государственного (или претендующего на такой статус) сообщества, самосознания граждан как членов такого сообщества, основанного на чувстве принадлежности к нации, усвоении значимых для страны культурных установок и ориентаций, символов, традиций, преемственности исторической памяти (Семеновко, 2017: 358, 405).

Такая идентичность основана на осознанной интериоризации людьми и социальными группами ценностей и практик позитивных взаимодействий, солидарности граждан государства (см. работы И.С. Семеновко: Семеновко, 2017: 102–113, 647–654; Семеновко, 2018: 5–24; Семеновко, 2023: 18–26). Продуктивны трактовки гражданской идентичности в работах О.В. Гаман-Голутвиной (Гаман-Голутвина, 2024: 177–191), Д. Харта, К. Ричардсона и Б. Вилкенфелда (Hart, Richardson & Wilkenfeld, 2011), Д. Маккроуна и Ф. Беххофера (McCrone & Bechhofer, 2015).

Национальная идентичность включает в себя устойчивую совокупность образов прошлого, настоящего и будущего. Она основана на разделяемом большинством граждан положительном отношении к истории государства, его символам гордости и социальным институтам. Идентичность проявляется в солидарности граждан, их осознанном ответственном поведении (Мчедлова, Саркисян, 2021: 648–658). Идентичность – итог не столько стихийных индивидуальных практик социализации, сколько целенаправленной политики, проводимой органами государственной власти и местного самоуправления, политическими партиями и общественными организациями, СМИ, образовательными учреждениями и музеями.

Политика идентичности трактуется как система целей, принципов, направлений деятельности и непосредственных шагов субъектов политики по формированию и укреплению определенного самосознания граждан (Laclau, 1994; Castells, 2009; Ачкасов, 2013: 71–77). Ключевыми направлениями политики идентичности, как полагает ряд российских исследователей, являются символическая политика, политика в сфере образования и культуры, политика языка и политика памяти (Семененко, 2017: 102–113; Семененко et al., 2017: 58; Дробижина et al., 2021: 37–48; Попова, 2019: 74–91). Важна концепция «символической власти» П. Бурдьё, понимаемой как власть «учреждать данность через высказывание, власть заставляя видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир» (Bourdieu, 1989). Субъекты политики способны изменять и формировать картину мира общества и его социальных групп, влиять на способы организации общества, определять символы гордости и нарративы восприятия политической реальности. В результате осуществляется конструирование (целенаправленное формирование) идентичности.

В «сложных обществах» (Лапкин, 2023: 36–44) конструирование идентичности происходит в условиях повышенной конкуренции. Взаимодействия национально-государственной идентичности с этническими, конфессиональными, языковыми, территориальными и иными идентичностями зачастую конфликтны (Blackburn, 2021), они порождают разнонаправленные тенденции идентификации. Крым и Донбасс являются приграничными сообществами, в которых проявляется взаимная интеграция этнических и конфессиональных традиций вследствие длительного совместного участия в развитии Российского государства. Историческая память этих сообществ – «перекрестная», она принадлежит в равной мере различным народам. В Крыму и на Донбассе проявляются также сложносоставные и гибридные идентичности, определение которым дали Е.В. Морозова и И.В. Кудряшова (См.: Семененко, 2017: 325–333; 365–368). Информационная война, проводимая государствами Запада и Украиной, с особой силой влияет на Крым и Донбасс, затрудняя процесс укрепления российской национальной идентичности.

В статье применяются системный, структурно-функциональный и кросс-региональный сравнительный методы анализа. Проведено

кросс-темпоральное сравнение результатов анкетирования и экспертных интервью, фокус-групп, переписей населения 2001, 2014 и 2021 гг.

Эмпирическая основа исследования охватывает нормативно-правовые акты Российской Федерации и ее субъектов, результаты переписей населения и социологических исследований. Используются данные анкетного опроса, экспертных интервью и фокус-групп, проведенных коллективом политологов Кубанского государственного университета под руководством автора в августе – октябре 2024 г. в ДНР и ЛНР, Республике Крым и г. Севастополе. Анкетный опрос проведен посредством заполнения онлайн-анкеты, выборка составила 225 студентов Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи, Луганского государственного университета имени В.И. Даля и Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (63 чел. в г. Симферополе, 88 – в г. Мариуполе и 74 – в г. Луганске). Анкета опроса включала в себя вопросы о том, с какой страной идентифицируют себя респонденты, каковы преобладающие символы гордости и образ будущего государства. Кроме того, было проведено шесть серий фокус-групп с участием 230 студентов данных университетов. Сценарий ведения беседы предполагал выяснение мотивов поддержки российской идентичности и форм ее аргументации. Экспертные интервью длительностью от 60 до 80 минут были проведены с 35 преподавателями данных высших учебных заведений, а также Севастопольского государственного университета и Донецкого государственного университета. Все преподаватели – постоянные жители ДНР и ЛНР, граждане Российской Федерации. Их возраст – от 31 до 68 лет; 60% экспертов – женщины, 40% – мужчины. Все они проживают в городах с населением более 200 тыс. чел., преподают гуманитарные и социальные дисциплины. Сценарий ведения беседы предполагал выявление оценок украинской и российской политик идентичности, их акторов и методик, степени их эффективности.

Степень изученности темы неравномерна по направлениям. К настоящему времени исследованы трансформации идентичностей крымчан и жителей Донбасса в аспекте межэтнических отношений. Среди исследований на материалах Крыма следует отметить труды Д.В. Сосновского (Сосновский, 2013: 164–173), Е.В. Князевой (Князева, 2013: 267–284), Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской и Д.Н. Карзубова (Бродовская, Домбровская, Карзубов, 2017: 51–61), О.В. Кульбачевской (Кульбачевская, 2019), Е.А. Коджа (Коджа, 2022) и М.И. Цуприк (Цуприк, 2023: 26–29). Т.А. Сенюшкина исследует формирование национальной идентичности крымчан в ракурсах коллективной памяти, межэтнических и межконфессиональных отношений (Национальная идентичность..., 2022). Т.В. Евгеньева проанализировала роль символического пространства в формировании российской идентичности крымчан (Евгеньева, 2023: 109–114). Коллектив под руководством С.В. Юрченко раскрывает динамику восприятия военных угроз, влияние языкового фактора на выбор идентичности (Юрченко et al., 2024: 127–145, 239–263).

В меньшей степени исследован процесс укрепления российской идентичности на Донбассе. Исходное «соотношение сил» между украинской и российской национальными, донецкой региональной идентичностями к 2014 г., трансформации идентичностей в военных условиях освещают И.Ю. Татаринов (Татаринов, 2020), К.В. Черкашин, В.И. Теркулов, Т.Ю. Тамерьян (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 113–128). Они приводят материалы анкетных опросов, проведенных в ДНР и ЛНР. А.А. Токарев исследовал основания идентичности республик Донбасса в 2014–2015 гг., считая, что этнические и языковые факторы легитимации государств де-факто были выражены слабо (Токарев, 2016: 30–48). Исторические предпосылки конфликта идентичностей оценивает Е.В. Рябинин (Рябинин, 2025). Работы Л.Б. Внуковой, Т.Ю. Власкиной, а также Р.А. Пупыкина, С.П. Поцелуева, М.С. Константинова и соавторов построены на основе результатов фокус-групп и экспертных интервью (Внукова, Власкина, 2021: 73–86; Пупыкин et al., 2022: 247–333). В наибольшей мере исследована самоидентификация учащейся молодежи (Бродовская, Домбровская, 2023: 88–102; Самаркина, Башмаков, 2023: 87–102).

Большинство работ украинских и западных политологов выполнены в антироссийском ключе. Характерны публикации украинских исследователей М.В. Наконечного (Наконечный, 2015: 394–397), С.П. Пахоменко (Пахоменко, 2015: 245–253) и М.С. Кармазиной (Кармазина, 2016). Среди западных исследователей отметим Э. Нотт, которая преуменьшает конфликтность взаимодействия идентичностей в Крыму до 2014 г. (Knott, 2018: 282–305). О. Чаррон¹, Г. Зассе и А. Лэкснэр обвиняют Россию в навязывании идентичности жителям Крыма и Донбасса (Sasse & Lackner, 2018: 1–19). О. Зевелева и А. Блудова отмечают риски «молчания и самоцензуры» при выборе крымской молодежью идентичности (Zeveleva & Bludova, 2019: 1056–1076).

В то же время, ряд западных и украинских исследователей, таких как Р. Саква (Sakwa, 2015), Т. Маляренко и Ш. Волльф (Malyarenko & Wolff, 2019: 30–43), демонстрируют противоречия и конфликтогенность формирования украинской постсоветской идентичности. Г. В. Касьянов раскрывает конфликтогенные аспекты исторической политики Украины применительно к Крыму и Донбассу (Касьянов, 2018). С. Куделя критиковал упрощенно-негативные оценки идентичности Донбасса, подчеркивая роль идентичности в эскалации конфликта (Куделя, 2014: 25–33; 2015: 5–13). Н. Хенке признает, что нациестроительство на Украине после 2014 г. происходит путем навязывания государственного языка (Henke, 2020: 25–29).

Несмотря на многочисленность исследований, налицо нехватка прикладных работ, опирающихся на социологические опросы и отражающих современные аспекты формирования российской идентичности в Крыму и на Донбассе. Сравнение факторов изменений идентичности в данных регионах проводится редко, чаще – на историческом материале.

¹ CREECA (2019) Exploring Crimean Identity: CREECA Welcomes Austin Charron (2019). Available at: <https://creeca.wisc.edu/creeca-welcomes-austin-charron/> (accessed 20 September 2025).

Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: каковы доминирующие факторы укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации, и почему проявляются различия в степени распространения российского самосознания в сравниваемых регионах?

Факторы укрепления российской идентичности в Крыму и на Донбассе: долгосрочные проявления

Прежде всего, следует отметить исторический фактор – длительность нахождения Крыма и Донбасса в составе Российского государства. Сложилась положительная историческая память жителей регионов о ключевых событиях российской истории и символах гордости. Историческая память воспроизводится не стихийно, а благодаря деятельности педагогического и научного сообществ, пророссийских общественных организаций, что дает позитивные результаты².

Так, опрос 1100 студентов из всех городов Крыма в 2016 г. (выборка репрезентативна по полу, возрасту и месту жительства), проведенный под руководством Е.В. Бродовской, подтвердил, что события российской истории XX в. являются наиболее узнаваемыми и выступают «стержнем» исторической картины мира. Так, события Великой Отечественной войны считают ключевыми для истории 33,6% опрошенных в Республике Крым и 41,3% в г. Севастополе; образование и распад СССР – 15,5% и 12,6% соответственно; революцию 1917 г. – 13,2 и 8,5%. Упоминания более ранних исторических событий – освобождения Руси от ордынского ига, правления Ивана Грозного, Смутного времени, реформ Екатерины Великой, присоединения Крыма к России в 1783 г., Крымской войны 1853–1856 гг. достаточно редки (не более 8% ответов). В диапазоне от 10 до 15% узнаваемости – реформы Петра Великого, Отечественная война 1812 г. и отмена крепостного права (Бродовская, Домбровская, Карзубов, 2017: 52–54). Такое состояние исторической памяти во многом – результат образовательной политики, проводившейся украинскими органами власти в Крыму до 2014 г., нехватки объективных источников знаний. Тем не менее опрошенные проявляли позитивное отношение к российской истории: 59% считали, что необходимо беречь традиции, 47% – гордиться победами предков, 32% – быть причастными к великой культуре (Бродовская, Домбровская, Карзубов, 2017: 59).

Другой опрос в форме анкетирования провели в 2017 г. сотрудники Севастопольского государственного университета Л.П. Нелина, О.В. Ярмак и А.А. Ирхин. Пропорциональная выборка составляла 1600 студентов в Республике Крым и г. Севастополе, возраст – от 17 до 25 лет. Абсолютное большинство респондентов (52,8%) признало преимущество этапов российской государственности – от Древней Руси до современности; еще 31,6% назвало

² Лантух Н.А. (2023) *Хочешь быть русским – будь им! История Русской общины Крыма от первых лиц. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского. С. 124–163, 176–223.*

исходной точкой формирования Российского централизованного государства в XV–XVI вв. Основными достижениями истории России опрошенные считали (по убывающей): «огромный размер территории страны» (52,6%), «сохранение независимости государства» (46,4%), «военную мощь и наличие ядерного щита» (37,1%), «создание уникальной культуры» (34,4%), «особый национальный характер россиян» (33,2%), «мир и согласие между народами» (27,4%). Ключевыми чертами Российского государства респонденты назвали его стойкость перед иностранными нашествиями, полиэтничность и отсутствие постоянных союзников в мире. По мнению опрошенных, их исторические представления – результат, прежде всего, обучения в вузе, в меньшей мере – воспитания в семье и информации СМИ (Нелина, Ярмак, Ирхин, 2020: 118, 120–122).

Такое состояние исторической памяти характерно для контактных ареалов, где ярче проявляются признаки цивилизационной и национальной идентичности, более отчетливо сформирован образ «Другого», с которым жители региона себя сравнивают. Крым в целом и особенно г. Севастополь являются местом проживания многих ветеранов Вооруженных Сил, для которых символы исторической гордости неразрывно связаны с жизненным опытом. Так, 78% участников телефонного опроса и онлайн-опроса в Крыму, организованных Санкт-Петербургским университетом осенью 2018 г. (выборка 1115 чел.) назвали Россию цивилизационной общностью, а не только государством (Савин, 2019: 139).

Сходные явления отмечались на Донбассе, где постсоветская политика украинизации воспринималась большинством как чуждая и разрушающая общую историю, память о «единой великой стране» – СССР. В ответ на деятельность национал-радикалов в 1991 г. образовалось Интернациональное движение Донбасса (Федоровский, 2020: 66–78). Обозначились тенденции к борьбе за создание автономного символического пространства региона. Л.Б. Внукова и Т.Ю. Власкина цитируют высказывания респондентов онлайн-опроса, проведенного в ДНР в 2020 г., о причинах провозглашения республик: «Неприятие нацизма, уважение к историческому прошлому, право на родной (русский) язык» (Внукова, Власкина, 2021: 76).

Участники экспертного опроса (35 преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин вузов Крыма, ДНР и ЛНР), проведенного нами в 2024 г., единодушно подчеркивают, что в советский период между русскими и украинцами существовали братские отношения. Проявлялось взаимодействие русской и украинской культур в обычаях и повседневном поведении дончан. Но после провозглашения независимости Украины респонденты, по их словам, стали демонстрировать приверженность российской трактовке истории и русскому языку, а также российским традициям (например, празднования Нового года по московскому, а не киевскому времени)³. Это означает, что украинская

³ Архив кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

национально-государственная и этническая идентичность не воспринимались в Крыму и на Донбассе как «свои» весомой частью жителей. Наш опрос не позволяет выявить тогдашнее (в 1990–2000-х гг.) отношение преподавателей к русской этнической и российской национальной идентичностям, однако исследование украинских социологов В.Е. Хмелько и С.Н. Оксамитной (2008 г.) подтверждает широкое распространение на Донбассе дуальной (русско-украинской) идентичности и регионального самосознания⁴. По данным опроса, проведенного Е.В. Бродовской и А.В. Домбровской в 2023 г., почти 68% респондентов в ДНР и ЛНР считают необходимым сохранять традиции России, 63% – гордиться достижениями предков; 44,6% поддерживают противодействие фальсификациям истории (Бродовская, Домбровская, 2023: 92–93).

Второй фактор – этническое позиционирование жителей Крыма и Донбасса. Изменения этнической структуры целесообразно оценивать на основе конструктивизма как выбор индивидов под влиянием обстоятельств и ориентаций самосознания. Следует учитывать полиэтничность и поликонфессиональность населения, подвижность идентичностей. Мы провели расчеты удельного веса основных народов Крымского полуострова на основе материалов переписи населения 2001 г. Если суммировать данные по Автономной Республике Крым и г. Севастополю, на полуострове проживали 60,3% русских, 24% украинцев и 10,2% крымских татар⁵. Примерно по 85% верующих русских и украинцев назвали себя православными, а почти 98% крымских татар – приверженцами ислама⁶, то есть, этническая и конфессиональная идентичности почти совпадали. По переписи 2021 г., русские составляют 76,4% населения Республики Крым (РК) и г. Севастополя, указавших национальность, украинцы – 7,7%, а крымские татары – 11,4%. Еще 1,4% называют себя «татарами»⁷. Поскольку массовых миграций, включая эмиграцию, в Крыму в 2001–2021 гг. не происходило, весомое увеличение доли русских среди жителей РК и г. Севастополя состоялось вследствие смены идентичности украинцами и повышения удельного веса лиц, не указавших этничность.

Изменения этнической структуры Донбасса можно оценить на интервале 1989–2001 гг., поскольку материалы региональной переписи ДНР и всеукраинской переписи 2019 г. не опубликованы. За 1989–2001 гг. удельный вес украинцев (по самоидентификации) в населении Донецкой области возрос

⁴ Хмелько В.Е., Оксамитная С.Н. (2008) Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине. *Internet Archive*. Available at: <https://tinyurl.com/yjxrex9w> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵ Государственный комитет статистики Украины (2001) Всеукраинская перепись населения 2001 года. Национальный состав населения. Available at: <https://web.archive.org/web/20250204224957/http://2001.ukr-census.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 23.09.2025).

⁶ Иванов А. (2012) Полуостров раздора. *Столетие*, 31 декабря. Available at: http://www.stoletie.ru/geopolitica/_poluostrov_razdora_851.htm#comment/ (дата обращения: 23.09.2025).

⁷ Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (2022) Численность населения Республики Крым, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более (по состоянию на 1 октября 2021 года). Available at: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/179764> (дата обращения: 01.08.2024).

с 50,7 до 56,9%, русских (по самоидентификации) – сократился с 43,6 до 38,2%. В Луганской области процент украинцев составил в 2001 г. 58,0%, а русских – 39,0%⁸. Вооруженный конфликт с 2014 г. привел к кардинальному сокращению населения вследствие оттока беженцев. К началу марта 2022 г., по сведениям Государственной службы статистики ДНР и Госкомстата ЛНР, население освобожденных районов ДНР оценивалось в 2,2 млн чел., ЛНР – в 1,4 млн чел. – вдвое меньше, чем до начала войны⁹. Столь масштабные потрясения вызвали изменения национальной идентичности, что можно проследить по социологическим данным.

Рассмотрим изменения языкового фактора выбора идентичности жителями Крыма и Донбасса. Как следует из Всеукраинской переписи населения 2001 г., русский язык назвали родным 78,7% жителей Крымского полуострова (в том числе 76,6% жителей Автономной Республики Крым и 90,6% севастопольцев), 74,9% жителей Донецкой и 68,8% – Луганской областей. Частота использования русского языка в повседневном общении – еще больше. Наиболее широко русскоязычие было распространено среди жителей крупных городов, лиц с высшим образованием¹⁰. По данным опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии в 2007 г. (пропорциональная выборка старше 18 лет во всех регионах Украины, 37 759 чел.), родной язык респондентов значительно отличался от выбора этничности. По оценкам В.Е. Хмелько и С.Н. Оксамитной, «русско-украинцы», имевшие гибридную идентичность, составляли 22,8% взрослого населения страны. На Юге Украины удельный вес русскоязычных составлял примерно 85%, а на Востоке – около 89%. От степени распространения биэтнической идентичности в прямопропорциональной зависимости находились электоральная поддержка Партии регионов, Коммунистической партии Украины и их кандидатов, положительное восприятие государственного объединения России и Украины¹¹. Между переписями 1989 и 2001 гг. процент жителей Донецкой области, считавших украинский язык родным, снизился с 30,6 до 24,1, как и среди жителей Луганской области – с 34,9 до 30, а удельный вес считавших родным языком русский – возрос¹². Это подтверждает противоречивость идентитарной динамики среди жителей Донбасса в указанный период. Процесс шел вразрез

⁸ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г. (1991) М.: Финансы и статистика: 78–82; Про кількість та склад населення України за підсумками Всеукраїнського перепису населення 2001 року (2002) *Урядовий кур'єр* (244): 11–12.

⁹ РБК (2022) Что известно о регионах, присоединяющихся к России. 3 октября. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/03/10/2022/632d6cd89a79476454bb5d08> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁰ Государственный комитет статистики Украины (2001) Всеукраинская перепись населения 2001 года. Языковой состав населения. Available at: <https://web.archive.org/web/20250204224957/http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 23.09.2025).

¹¹ Хмелько В.Е., Оксамитная С.Н. (2008) Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине. *Internet Archive*. Available at: <https://tinyurl.com/yjxrex9w> (дата обращения: 20.10.2025).

¹² Государственный комитет статистики Украины (2001) Всеукраинская перепись населения 2001 года. Языковой состав населения. Available at: <https://web.archive.org/web/20250204224957/http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 23.09.2025).

с навязываемой украинизацией образования. Обобщающих данных о языковых процессах после провозглашения ДНР и ЛНР нет, но исследователи отмечают повышение статуса русского языка до единственного государственного, что закреплено в конституциях республик в 2022 г. (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 1113–1128).

Многоязычие и широкая распространенность билингвизма характерны и для Крыма. Между тем языковая политика Украины в регионе была нацелена на вытеснение русского языка. По подсчетам Н.В. Киселевой, А.В. Мальгина, В.П. Петрова и А.А. Форманчука, число средних школ с русским языком обучения на полуострове сократилось за 1992–2012 гг. в 1,6 раза (с 519 до 333), а школ с украинским языком – выросло в 143,7 раз (с 6 до 862), с крымскотатарским языком – возросло в 22,5 раза (с 17 до 383) (Киселева et al., 2015: 216). Общественное мнение крымчан, как установили исследователи института «ПАТРИР» (Финляндия), однозначно в пользу равноправия основных языков в публичной сфере¹³. Владение русским языком подтвердили при переписи в Крыму в 2014 г. 99,8% жителей, украинским – 21,7%, крымскотатарским и татарским языками – 6,5%. Назвали родным русский язык 81,4% жителей Крымского полуострова, в том числе почти все русские, 79,7% украинцев и 5,6% крымских татар¹⁴.

Следующий фактор выбора идентичности – это уровень урбанизации. Он отчетливо различался среди этнических групп Крыма и Донбасса. Так, перепись 2014 г. в Крыму (нами подсчитаны суммарно сведения по Республике Крым и г. Севастополю) выявила процент горожан среди русских – 64,2, украинцев – 50,3, крымских татар – 26,3¹⁵. Аналогичное соотношение зафиксировала перепись 2021 г.: горожане составили 54,2% русских, 40,5% украинцев и 24,1% крымских татар (нами рассчитан удельный вес на основе абсолютных цифр)¹⁶. Наибольший удельный вес русских отмечен в больших и средних городах (Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии), а украинцев и крымских татар – в селах. Анализ переписи 2001 г. в Донецкой области, проведенный К.В. Черкашиным, В.И. Теркуловым, Т.Ю. Тамерьяном, подтвердил сходную тенденцию: русские составляли наибольшую долю жителей в крупных городах (Донецке, Мариуполе, Горловке и др.), а украинцы – в малонаселенных сельских районах (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 116–117). Именно жители крупных городов в большей степени разделяют российскую идентичность, что объясняется не только этническим составом

¹³ *Крымский политический диалог 2010* (2011) М. С. 44–190.

¹⁴ *Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе* (2015) М.: ИИЦ «Статистика России». С. 118–119, 143–144.

¹⁵ *Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе* (2015) М.: ИИЦ «Статистика России». С. 121–124.

¹⁶ *Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю* (2022) Численность населения Республики Крым, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более (по состоянию на 1 октября 2021 года). Available at: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/179764> (дата обращения: 01.08.2024).

горожан, но и распространением инноваций из крупных городов на периферию, поскольку политическая коммуникация и выработка новых идей в Крыму происходят в основном на русском языке.

Изменения соотношения национальных, этнических, конфессиональных и языковых идентичностей в Крыму и на Донбассе

Соотношение национальных, этнических, конфессиональных и языковых идентичностей в Крыму и на Донбассе может быть определено на основе сравнительного анализа результатов анкетных опросов. При этом мы осознаем и учитываем неполноту эмпирических данных, позволяющих выдвинуть предположения об идентитарной динамике.

Начать полезно с периода до 2014 г., когда взаимодействие идентичностей происходило в мирных условиях. По итогам опроса, проведенного Центром региональных исследований и стратегий (г. Одесса) в 2011 г. (пропорциональная выборка 836 крымчан старше 18 лет, погрешность до 3%), в первую очередь гражданами страны считали себя 38% респондентов на полуострове, жителями Крыма – 21%, жителями города, села или района – 26%, гражданами СССР – 8%, представителями национальностей – 5%. Среди русских жителей тогдашнего Юга Украины (Автономной Республики Крым, Одесской, Николаевской и Херсонской областей) назвали себя гражданами Украины 26% опрошенных, жителями своего региона – 65%, жителями села, города или района – 28%, гражданами СССР – 12% (вариант «граждане России» в анкете не упоминался) (Князева, 2013: 269, 273, 282). По данным анкетного опроса, проведенного Луганским национальным университетом имени Тараса Шевченко и Центра по изучению социальных процессов и проблем гуманизма в 2013 г. (выборка – 1450 чел.), 72,6% респондентов в Луганской области считали границу между Россией и Украиной «границей между своими», а 47,6% признавали: «Эта граница вообще не нужна»; 41,3% дали ответ: граница должна быть «открытой для движения людей, капиталов и товаров, как в Шенгенской зоне Европейского Союза» (Хобта, 2013: 66–67). Анкетный опрос, проведенный в ЛНР Луганским национальным университетом имени Тараса Шевченко в 2018 г. (квотная выборка 759 чел.) показал, что украинско-российскую границу считали «границей между своими» 55,9% респондентов, а «границей, отделяющей своих от чужих» – 22,9% (Идентичность населения..., 2019: 132). Эти изменения были вызваны состоянием вооруженного конфликта; снижение доли считавших границу условной шло за счет молодежи.

Воссоединение Крыма с Россией весомо изменило соотношение идентичностей. По данным опроса, проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН в 2016 г. (выборка 600 чел. старше 18 лет в г. Симферополе и прилегающих местностях), 47,3% респондентов идентифицировали себя в первую очередь с российскими гражданами, 39,0% – с жителями Крыма и 6,3% – с представителями своего народа. В наибольшей мере российская идентичность разделяется русскими, в наименьшей мере – крымскими татарами. Осознание себя российскими гражданами чаще фиксируется среди пожилых

и людей среднего возраста (Гражданская идентичность..., 2016: 6–7, 11, 67–80). Другое исследование, организованное в 2016 г. сообществом «Открытое мнение» на Крымском полуострове (выборка 1100 чел. старше 18 лет), продемонстрировало следующие результаты: назвали себя в первую очередь гражданами России 43% респондентов, жителями Крыма – 35%, гражданами мира – 9%, жителями населенного пункта – 8%, гражданами Украины – 1%. Российская идентичность как первоочередная чаще фиксировалась среди русских (52%), реже – среди украинцев (28%), и крайне редко – среди крымских татар (8%). Региональная идентичность была в наибольшей степени выражена среди крымских татар (65% ответов) и украинцев (42%), в наименьшей – среди русских (30%). Российская идентичность преобладала среди лиц с высшим образованием пожилого либо среднего возраста¹⁷. Анкетный опрос под руководством И.В. Задорина в 2018 г. (выборка на Крымском полуострове 400 чел. старше 18 лет, все этнические группы) показал, что определяли себя в первую очередь как российские граждане 41% всех респондентов, как жители Крыма – 35%, жители населенного пункта – 16%. Наивысший удельный вес признавших себя российскими гражданами отмечен среди русских, наименьший – среди украинцев и крымских татар (Задорин, 2018: 110).

Изменения в соотношении российской, региональной и иных идентичностей детерминированы восприятием межэтнических и межконфессиональных отношений, государственной политики России. Характерны результаты опроса 1600 крымчан в 2021 г., подтвердившие поддержку воссоединения с Россией – событие позитивно оценивается 93-мя % респондентов; 89% полагает, что Крым развивается в составе России успешнее, чем в составе Украины¹⁸. Опрос, организованный Московским государственным университетом в 2018 г. (выборка 200 чел. в разнотипных населенных пунктах Крыма), доказал значительный рост удельного веса тех, кто ощущает себя гражданами России (до 77%) (Кульбачевская, 2019: 113). Тенденция подтверждена в пилотном опросе, проведенном М.И. Цуприк в феврале 2023 г. (общекрымская выборка 100 чел. в возрасте от 19 до 75 лет). Назвали себя прежде всего жителями России 75% респондентов, жителями Крыма – 20%, жителями Украины – 5% (Цуприк, 2023: 28). В апреле 2023 г. заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей России С. Бедкин сообщил, что по итогам опроса 93,8% жителей Крыма считают себя в первую очередь гражданами России¹⁹.

Важен не только количественный уровень признания гражданской идентичности, но и осознанность, прочность выбора. В этом аспекте полезно пилотное исследование А.С. Гальченко, который провел ранжирование консо-

¹⁷ Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования (2016) М., С. 11–14.

¹⁸ ВЦИОМ (2021) Российский Крым: семь лет после воссоединения. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-voossoedinenija> (дата обращения: 23.09.2025).

¹⁹ ТАСС (2023) В ФАДН заявили, что уровень общероссийской гражданской идентичности в Крыму вырос до 93,8%. 20 апреля. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17572823> (дата обращения: 23.09.2025).

лидирующих факторов идентичности крымских студентов по шкале Лайкерта и подсчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена. А.С. Гальченко рассчитал иерархию факторов (по убывающей): право участия в выборах, общность культуры, общее историческое прошлое, общенациональные ценности, общие политические идеи и смыслы, ощущение богатых ресурсов страны, социальное благополучие, политические условия, чувство гордости за достижения страны. Внизу иерархии – кровное родство, менталитет, обычаи и традиции. Соотношение факторов определяется свободным выбором и осведомленностью индивидов, а не примордиальной принадлежностью (Гальченко, 2020: 39–40).

Исследование Е.А. Коджа подтверждает, что русские (по самоидентификации) жители Крыма более склонны считать себя российскими гражданами, эта тенденция сильнее выражена среди респондентов среднего и пожилого возраста (Коджа, 2022: 9–11).

На материалах ДНР и ЛНР есть фрагментарные источники о тенденциях развития идентичностей. Как отмечают К.В. Черкашин, В.И. Теркулов и Т.Ю. Тамерьян, в 2011 г. немногие жители г. Донецка разделяли украинскую идентичность (29% при среднем уровне по стране 44%). В мае 2016 г. проведены синхронные опросы по 1 тыс. чел. в ДНР и ЛНР. Назвали себя в первую очередь жителем своего региона (суммарно – жителями Донбасса, Луганщины, ДНР или ЛНР) поровну по 63% опрошенных в ДНР и в ЛНР; советским человеком – соответственно, 9 и 11%; гражданином Украины – 9 и 10%; жителем населенного пункта – 10 и 7%; представителем своей национальности – 4 и 2% (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 117–118). Диахронный ряд анкетных опросов, проведенных в г. Донецке с апреля по октябрь 2014 г. и в ДНР с мая 2016 г. по июнь 2022 г. (погрешность до 5%), подтверждает рост признания себя в первую очередь русскими с 32,6 до 70,1%; процент назвавших себя украинцами, напротив, снизился с 40 до 19,7%. Безусловно, следует учитывать сложные условия проведения опросов во время вооруженного конфликта, как и значительные масштабы миграции, изменившей состав населения. Восприятие себя в качестве русских наиболее распространено среди мужчин, лиц со средними и высокими доходами, верующих, людей среднего и пожилого возраста, жителей крупных городов (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 121–126).

Вместе с тем до начала СВО имела место неопределенность целей развития республик, что подпитывало трансформацию региональной идентичности «житель Донбасса» в национально-государственную, отличную от российской. Проявлялось стремление обосновать наличие особого региолекта в ДНР и ЛНР (Кудрейко, 2018: 122–126). Воссоединение республик с Россией (сентябрь 2022 г.) значительно изменило вектор формирования идентичности их жителей в направлении признания себя гражданами России. Но этот процесс идет сложно. Е.В. Бродовская и А.Ю. Домбровская провели онлайн-опрос ценностных ориентаций и установок 1 тыс. жителей ДНР и ЛНР в 2023 г. По мнению исследователей, «жители ЛНР проявляют несколько более высокий уровень социокультурной интеграции в российское общество, чем

жители ДНР, у которых чуть в большей степени выражены черты анклавности в ценностном профиле граждан». Так, считают основной целью России единство, сохранение территориальной целостности и суверенитета 53,8% респондентов в ЛНР и 35,9% – в ДНР (Бродовская, Домбровская, 2023: 99).

Политологи Кубанского государственного университета провели в августе – октябре 2024 г. анкетный онлайн-опрос 225 студентов Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Луганского государственного педагогического университета и Мариупольского государственного университета им. А.И. Куинджи. Из числа опрошенных 94,6% имеют только российское, а остальные – российское и украинское гражданство. Назвали «своей страной» Россию 69,5% всех опрошенных, в т.ч. 85,6% – в Крыму, 67,6% – в Луганске и 58,0% – в Мариуполе. Назвали своими странами «и Россию, и Украину» 7,9% по всей выборке (1,6% в Симферополе, 2,4% в Луганске и 3,4% в Мариуполе). Только в Мариуполе встречались формулировки ответов «моя страна – это мой регион» (9,9% ответов), а отдельные студенты на фокус-группах подчеркивали отличия Мариуполя от большей части ДНР. Образы своего региона (Крыма, ДНР, ЛНР) достаточно сформированы и системны, имеют позитивные коннотации с сотрудничеством и межнациональным миром. Образ будущей России оценивается 77,5% респондентов положительно, в выражениях «сильное и процветающее государство», «суверенная мировая держава», «гарант сохранения традиционных ценностей и исторического, культурного наследия»; 6,9% дали негативные оценки будущей России, остальные затруднились с ответом.

Таким образом, можно предположить, что российская идентичность более выражена среди крымчан, чем среди жителей Донбасса. Кроме того, в местностях ДНР и ЛНР, освободившихся от украинского правления в 2014 г., она более распространена, чем в г. Мариуполе, освобожденном в 2022 г.

Политика памяти, символическая политика и политика идентичности Российской Федерации в Крыму и на Донбассе

Российская политика идентичности в Республике Крым, г. Севастополе, ДНР и ЛНР нацелена на укрепление позитивного восприятия традиционных ценностей, исторических достижений и символов гордости, повышение доверия к государству, формирование мотиваций ответственного и патриотического поведения граждан. Речь идет о восстановлении социокультурной преемственности и единства регионов «исторической России».

Нормативные основания политики составляют ряд федеральных нормативно-правовых актов (Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.²⁰), а также Государственная программа развития

²⁰ Президент России (2022) Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-

образования в РК на 2016–2025 гг.²¹, Государственная программа РК по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия»²² и Государственная программа РК «Реализация государственной молодежной политики в Республике Крым»²³. Только последняя из программ предусматривает финансирование на сумму 2966,448 млн руб. за 2024 г.²⁴

ДНР и ЛНР проводят политику идентичности, которая ориентирована на социокультурную реинтеграцию с Россией, укрепление российского патриотизма. Еще в период независимого существования республик Народные Советы (парламенты) ДНР и ЛНР утвердили Республиканские программы патриотического воспитания граждан²⁵. 28 января 2021 г. утверждена доктрина «Русский Донбасс», авторами которой стали известные философы, историки, политологи²⁶. В доктрине поставлена цель – создать условия для повышения ответственности граждан перед обществом, воспитать граждан, любящих Родину и имеющих активную жизненную позицию.

В отличие от нормативных актов ДНР и ЛНР 2014–2018 гг., в которых не решался вопрос о принятии российской идентичности²⁷, доктрина «Русский Донбасс» последовательно ориентировала органы государственной власти и общество на реинтеграцию с Россией. Цель укрепления российской

нравственных ценностей. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 23.09.2025); *КонсультантПлюс* (n.d.) Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 23.09.2025).

²¹ *Республика Крым: Портал Правительства* (2023) Государственная программа развития образования в Республике Крым на 2016–2025 гг. Available at: <https://minek.rk.gov.ru/structure/e0b5078f-29df-41c7-af19-196ba4d55edc> (дата обращения: 23.09.2025).

²² *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* (n.d.) Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/413907392/titles/GOD5RF> (дата обращения: 23.09.2025).

²³ *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* (n.d.) Государственная программа Республики Крым «Реализация государственной молодежной политики в Республике Крым» (в ред. Постановления Совета министров Республики Крым от 06.02.2024 № 57). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/570781098> (дата обращения: 23.09.2025).

²⁴ *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* (n.d.) Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/413907392/titles/GOD5RF> (дата обращения: 23.09.2025).

²⁵ *Народный Совет Луганской Народной Республики* (n.d.) О системе патриотического воспитания граждан Луганской Народной Республики. Закон № 51-II от 30.07.2015. Available at: <https://nslr.su/zakonodatel-na-ya-deyatelnost/zakonoproekty/723/> (дата обращения: 23.09.2025); *Правительство Донецкой Народной Республики* (n.d.) Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы: Постановление Правительства ДНР от 30 апреля 2020 г. № 22–3. Available at: <https://pravdnr.ru/wp-content/uploads/2020/05/postanovlenie-22-3.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

²⁶ *Русский Центр* (n.d.) Доктрина «Русский Донбасс». Available at: <https://russian-center.ru/8315-2/> (дата обращения: 23.09.2025).

²⁷ *Народный Совет Донецкой Народной Республики* (2015) Ежегодное обращение Главы ДНР Александра Захарченко к Народному Совету. Available at: <https://dnrsovet.gov.ru/ezhegodnoe-obrashhenie-glavy-dnr-aleksandra-zaharchenko-k-narodnomu-sovetu/> (дата обращения: 23.09.2025).

идентичности требует от субъектов политики сформировать принципы и приоритеты информационных воздействий, которые интегрируют образы истории и современность Донбасса в российский контекст. Донбасс переосмысливается в качестве региона Российского государства, подчеркивается преемственность всех этапов истории (Руденко, Онопко, 2021: 126–131).

Основными субъектами политики идентичности в Крыму являются территориальное управление Федерального агентства по делам национальностей по Республике Крым и г. Севастополю, Министерство культуры РК, Министерство образования, науки и молодежи РК, Государственный комитет по делам межнациональных отношений РК, аналогичные учреждения в системе органов власти г. Севастополя²⁸. В ДНР субъектами политики идентичности выступают Министерство культуры, Министерство молодежной политики, Министерство образования и науки. Одноименные министерства реализуют политику идентичности в ЛНР. Соподчиненную роль в укреплении российской идентичности играют органы местного самоуправления, политические партии, образовательные учреждения и музеи, национально-культурные и религиозные организации.

Политика памяти проявляется в том, что с 2014 г. созданы обобщающие труды по истории Крыма, систематически проводятся международные и все-российские научные конференции на базе музея-заповедника «Херсонес Таврический», Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и Севастопольского государственного университета. Уделяется повышенное внимание историко-культурным символам гордости Крыма. Так, историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» получил статус особо ценного объекта культурного наследия федерального значения. В 2019 г. начато создание историко-археологического парка «Херсонес Таврический», который включит в себя музей истории христианства, музей истории античности и Византии. Важнейшими музеями, участвующими в формировании исторической памяти, стали Центральный музей Тавриды (г. Симферополь), Этнографический музей (г. Симферополь), Музей героической обороны и освобождения Севастополя, музейный комплекс «35-я береговая батарея» (г. Севастополь), Восточно-Крымский историко-археологический музей (г. Керчь). Их деятельность направлена на воспроизводство и развитие культурного кода Крыма как колыбели российского православия и государственности, ареала межэтнического согласия (Юрченко et al., 2024: 181–187).

В ДНР и ЛНР большое внимание уделяется противодействию украинскому национализму, для чего создается российский патриотический контент в социальных сетях и мессенджерах, проводятся коммеморативные акции в честь событий и героев Великой Отечественной войны²⁹. В 2024 г.

²⁸ Правительство Республики Крым (2024) Отчет о деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым за 2023 год. Available at: https://gkmmn.rk.gov.ru/uploads/gkmmn/container/2024/02/28/2024-02-28-09-52-15_1.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

²⁹ Беспалова С.В. (ред.) (2021) *Практическая реализация доктрины «Русский Донбасс» в сферах жизнедеятельности ЛДНР: Материалы круглого стола* (Донецк, 23 апреля 2021 г.). Донецк: Изд-во ДонНУ: 5–10.

в г. Донецке впервые проведена всероссийская научно-практическая конференция по денацификации Украины. Организовано массовое тестирование «Знаток российского Донбасса»³⁰. На историческом факультете Донецкого государственного университета созданы Центр изучения Большого Донбасса и Студенческое научное общество по изучению истории Донбасса.

Символическая политика в новых субъектах федерации проявляется в выборе памятных дат для коммеморативных акций (дни освобождения от нацистской оккупации в Великой Отечественной войне, воссоединения с Россией, крупнейших битв). Так, в г. Севастополе данную роль играют дни начала и окончания двух оборон города. Севастополь позиционируется как «патриотическая столица России» (лозунг на здании администрации города). Массовые мероприятия локализованы в местах памяти (курган Саур-Могила в ДНР, Аллея ангелов – мемориальный парк в г. Донецке, захоронения видных политических и военных деятелей ДНР и ЛНР, Малахов курган и Сапун-гора в Севастополе и др.). Специфически донбасской можно назвать практику возврата советских наименований географических объектов, призванную дистанцировать символическое пространство республик от украинского. В Республике Крым значительное внимание уделяется мемориализации мест памяти о подвигах и достижениях представителей всех народов региона.

Реализация политики идентичности на Донбассе в сравнении с Крымом идет в особо сложных прифронтовых условиях. В местностях Донбасса, которые были освобождены в 2022–2025 гг., до этого проводился курс насаждения украинского радикального национализма, последствия чего сказываются в общественном мнении, особенно – молодежи. В ходе проведенного политологами Кубанского государственного университета онлайн-анкетирования студентов Луганского государственного педагогического университета и Мариупольского государственного университета им. А.И. Куинджи (август – октябрь 2024 г.) выявлены препятствия укреплению российской идентичности среди молодежи. Среди них – недостаточная осведомленность о современном состоянии российского общества; низкое доверие к региональным и местным СМИ, политическим партиям; знакомство с антироссийским контентом в зарубежных социальных сетях. Наблюдается несколько пониженная самоидентификация с Россией в мариупольской подвыборке. Экспертный опрос преподавателей вузов ДНР и ЛНР (35 чел. от 31 до 68 лет) подтвердил обеспокоенность педагогов тем, что многие молодые люди настроены выехать из Донбасса в «тыловые» российские регионы, слабо вовлечены в повседневные политические акции. Отчасти имеет место отчужденность между педагогами городов ДНР и ЛНР, где украинская власть была свергнута в 2014 г., и г. Мариуполя (о них в Донецке и Луганске говорят: «там много ждунов»). Часто студенты и преподаватели в изученных регионах слабо осведомлены о реализации общероссийских политики памяти и символической политики, образ своего региона и города недостаточно интегрирован

³⁰ *Знаток Русского Донбасса* (2024). Available at: <https://znotakdonbassa.ru/> (дата обращения: 23.09.2025).

с образом России (особенно это заметно в Мариуполе). Данные обстоятельства ставят вопрос о необходимости более дифференцированной и использующей современные средства коммуникации политике идентичности в ДНР и ЛНР.

Заключение

В результате исследования выявлены такие факторы укрепления российской идентичности в Крыму и на Донбассе, как историческая память региональных сообществ, изменения этнического и языкового состава населения, уровень урбанизации, деятельность субъектов политики идентичности. На основе анкетных опросов и переписей населения установлено, что в наибольшей степени склонны признавать себя в первую очередь гражданами России лица среднего и пожилого возраста, мужчины, жители крупных городов, имеющие высшее образование. Полиэтничность и поликонфессиональность сообществ Крыма и Донбасса определяют территориальную неравномерность укрепления российской идентичности; процесс зависит и от продолжительности политики идентичности, направленной на реинтеграцию с Россией. Поэтому российская идентичность в Крыму, особенно – в промышленных городах (Севастополе, Керчи) более консолидированна, чем в недавно освобожденных местностях Донбасса, например, г. Мариуполе.

Выявлен состав субъектов политики идентичности в новых субъектах федерации, к которым относятся федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, образовательные учреждения и музеи, национально-культурные и религиозные организации. Направлениями их деятельности выступают также политика памяти, информационная и символическая политика. На основании сравнения результатов социологических опросов, при всей их фрагментарности, можно предположить, что в условиях специальной военной операции происходит укрепление российской идентичности в Крыму и на Донбассе. Это объясняется актуализацией исторических традиций, адаптацией общества к военным условиям, консолидацией общества перед лицом геополитической угрозы. Данное предположение мы планируем проверить в ходе дальнейших эмпирических исследований в сравниваемых регионах.

Список литературы:

1. Ачкасов В.А. (2013) Политика идентичности в современном мире. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия б: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения* (4): 71–77.
2. Баранов А.В. (2023) Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности. *Управленческое консультирование* (1(169)): 10–23. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-1-10-23.

3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. (2023) Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ДНР: результаты социологического исследования в 2023 году. *Среднерусский вестник общественных наук* 18(6): 88–102. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-6-88-102.
4. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. (2017) Образ исторического прошлого России в представлениях молодежи Крыма и Севастополя: результаты прикладного исследования. *Парадигмы и истории общественного развития* (6–7): 51–61.
5. Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. (2021) Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект. *Вестник Томского государственного университета* (463): 73–86. DOI: 10.17223/15617793/463/10.
6. Гальченко А.С. (2020) Исследование консолидирующих факторов формирования гражданской идентичности студенческой молодежи (на примере Республики Крым). *Гуманитарные науки* (2(50)): 38–45.
7. Гаман-Голутвина О.В. (2024) Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному. *Полис. Политические исследования* (3): 177–191. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.12.
8. *Гражданская идентичность и межэтнические отношения в Крыму. Полевая этностатистика* (2016) Сост. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М.: Летний сад.
9. Дробижина Л.М., Арутюнова Е.М., Рыжова С.В., Фадеев П.В., Щеголькова Е. (2021) Ключевые консолидаторы российской идентичности. В: *Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты*. М.: ФНИСЦ РАН. С. 37–48.
10. Евгеньева Т.В. (2024) Символическое пространство как фактор формирования российской идентичности жителей Республики Крым и города Севастополя. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета* 14(2): 109–114. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-109-114.
11. Задорин И.В. (2018) Регионы «рубеза»: территориальная идентичность и восприятие «особости». *Полития* (2(89)): 102–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136.
12. Герасимов А.В. (ред.) (2019) *Идентичность населения в условиях российско-украинского приграничья: проблемы социального конструирования и динамика повседневных практик: Аналитический отчет социологического исследования*. Луганск: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко; «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».
13. Кармазіна М.С. (2016) *Політичні ідентичності в сучасній Україні: міська громада Донецька*. Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України.
14. Касьянов Г.В. (2018) *Past Continuous: Исторична політика 1980-х – 2000-х: Україна та сусіди*. Київ: Лаурус; Антропос–Логос–Фильм, 2018.
15. Киселева Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. (2015) *Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения*. Симферополь: Салта.
16. Князева Е.В. (2013) Самоидентификация населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального». *Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного*. Одесса: ВМВ. С. 267–284.
17. Коджа Е.А. (2022) Взаимосвязь идентичностей, аккультурационных ожиданий и психологического благополучия русских жителей Крыма. *Психологические исследования* 15(82): 3. DOI: 10.54359/ps.v15i82.1084.
18. Куделя С. (2014) Донбасский разлом. *Контрапункт* (1): 1–13.
19. Куделя С. (2015) Внутренние источники донбасского восстания. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* (2): 25–33.
20. Кудрейко И.А. (2018) Донецкий региолект в его статусных характеристиках: фонетический аспект. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* (5(128)): 122–126.
21. Кульбачевская О.В. (2019) Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму. *Вестник антропологии* (4(48)): 106–119. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/106-118.

22. Лапкин В.В. (2023) Сложное общество. В: *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. М.: Весь Мир. С. 36–44.
23. Мчедлова М.М., Саркисян О.Л. (2021) Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* 23(4): 648–658. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658.
24. Наконечный М.В. (2015) Проблема регіоналізованої ідентичності Донбасу в контексті національної ідентичності України та реінтеграції регіону. *Глея* (98): 394–397.
25. Нелина Л.П., Ярмак О.В., Ирхин А.А. (2020). Исторический компонент государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи Республики Крым и Севастополя. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Философия. Политология. Культурология* 6(1): 116–127.
26. Пахоменко С.П. (2015) Фактор ідентичності в українській кризі: приклад Донбасу. *Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія* (12): 245–253.
27. Попова О.В. (2019) Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей. *Южно-Российский журнал социальных наук* 20(4): 74–91. DOI: 10.31429/26190567-20-4-74-91.
28. Пупыкин Р.А. et al. (2022) *Русский Донбасс: фронты и фронтиры*. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.
29. Руденко М.В., Онопко О.В. (2021) Доктрина «Русский Донбасс»: идейно-теоретические основы и политическое значение. *Вопросы национализма* (1(33)): 126–133. DOI: 10.24412/2218-1229-2021-1-126-133.
30. Рябинин Е.В. (2025) *Украина против Донбасса: Война идентичностей*. М.: Вече.
31. Савин С.Д. (2019) Национальная идентичность и историческое сознание крымчан (по материалам социологического исследования). *Миф. Культура. Этнос*. Симферополь: Ариал. С. 133–140.
32. Самаркина И.В., Башмаков И.С. (2023) Политика формирования гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ: модели и технологии. *Южно-российский журнал социальных наук* 24(4): 87–102. DOI: 10.31429/26190567-24-4-87-102.
33. Семенов И.С. et al. (2017) Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования* (5): 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05.
34. Семенов И.С. (отв. ред.) (2017) *Идентичность: Личность, общество, политика*. М.: Весь Мир.
35. Семенов И.С. (отв. ред.) (2023) *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. М.: Весь Мир.
36. Сенюшкина Т.А. (науч. ред.) (2022) *Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим*. Симферополь: Н. Оріанда.
37. Сосновский Д.В. (2013) Современная крымская региональная идентичность: опыт и перспективы. *Этносоциум и межнациональная культура* (5(59)): 164–173.
38. Татаринев И.Е. (2020) Трансформации идентичностей в эпоху глобализации (на примере российско-украинского приграничья на Донбассе). В: *Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества*. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева. С. 578–584. DOI: 10.46865/978-5-901640-33-3-2020-578-584.
39. Токарев А.А. (2016) Будущее Донбасса: сравнительный анализ российского, грузинского и молдавского опыта решения проблем с сецессиями. *Регионоведение* (3): 30–48.
40. Федоровский Ю.Р. (2020) Интернациональное Движение Донбасса – первые донецкие автономисты. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки* (3): 66–78.
41. Хобта С.В. (2013) Граница, национальная и региональная идентичности в восприятии жителей Донбасса. *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки* 23(282): 64–77.

42. Цуприк М.И. (2023) Политическая идентичность жителей Республики Крым в контексте специальной военной операции. *Закон и власть* (2): 26–29.
43. Черкашин К.В., Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. (2023) Этническая самоидентификация жителей Донбасса. *Политическая лингвистика* (1(97)): 113–128. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_13.
44. Юрченко С.В. et al. (2024) *Республика Крым в кросскультурных измерениях социополитической ситуации 2014–2024 гг.* Симферополь: Изд-во Типография «Ариал».
45. Blackburn M. (2022) The Persistence of the Civic–Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe. *National Identities* 24(5): 461–480. DOI: 0.1080/14608944.2021.2006169.
46. Bourdieu P. (1989) Social Space and Symbolic Power. *Sociological Theory* 7(1): 14–25.
47. Castells M. (2009) *The Power of Identity, 2nd edition, with a New Preface.* Hoboken, N.J.: Wiley-Blackwell.
48. Hart D., Richardson C. & Wilkenfeld B. (2011) Civic Identity. In: Schwartz S., Luyckx K. & Vignoles V. (eds.) *Handbook of Identity Theory and Research.* New York: Springer. P. 771–787.
49. Henke N. (2020) *Identity and Nation-Building in Ukraine: Reconciliation of Identities from a Conflict Prevention Perspective.* ECMI Research Paper No 125. Flensburg: The European Centre for Minority Issues (ECMI).
50. Knott E. (2018) Identity in Crimea Before Annexation: A Bottom-Up Perspective. In: Kolstø P. & Blakkisrud H. (eds.) (2018) *Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017* Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 282–305.
51. Laclau E. (ed.) (1994) *The Making of Political Identities.* London: Verso.
52. Malyarenko T. & Wolff S. (2019) Identity and Identity-Building in Donbas Before and After the Beginning of the Conflict. In: *The Dynamics of Emerging De-Facto States: Eastern Ukraine in the Post-Soviet Space.* Milton Park, Abingdon: Routledge. P. 30–43. DOI: 10.4324/9780429448409-4.
53. McCrone D. & Bechhofer F. (2015) *Understanding National Identity.* Cambridge: Cambridge University Press.
54. Sakwa R. (2015) *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands.* London: IB Tauris.
55. Sasse G. & Lackner A. (2018) War and Identity: the Case of the Donbas in Ukraine. *Post-Soviet Affairs* 34(2–3): 139–157. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209.
56. Zeveleva O. & Bludova A. (2019) Borders Moving Across People: Narratives of Belonging Among Crimean Youth After 2014. *Current Sociology* 67(7): 1056–1076. DOI: 10.1177/0011392119846929.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-5

FACTORS OF STRENGTHENING RUSSIAN IDENTITY IN CRIMEA AND DONBASS IN THE CONTEXT OF MEMORY POLITICS AND SYMBOLIC POLICY

Dr. Andrey V. BARANOV – Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University.

ORCID 0000-0001-7109-3062. E-mail: baranovandrew@mail.ru
149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar, Russia, 350040.

Received August 4, 2024

Accepted October 22, 2025

Abstract: The study aims to identify the similarities and differences between the factors of strengthening Russian national identity in Crimea and Donbas (2014–2024) in the context of memory policy and symbolic policy. The research question is what is the combination of factors for strengthening Russian identity in the new subjects of the federation and why there are differences in the prevalence of Russian identity in the compared regions. The methodological basis of the research is social constructivism. Systematic, comparative–functional and cross–regional comparative analysis methods are used. A cross–temporal comparison of the results of questionnaires and population censuses is carried out. Such factors of strengthening Russian identity in Crimea and Donbas as the historical memory of regional communities, changes in the ethnic and linguistic composition of the population, urbanization, and the composition and practices of the subjects of identity politics have been identified. Based on the results of questionnaires and population censuses, it was found that middle-aged and elderly people, ethnic Russians, men, and residents of large cities with higher education are most likely to share Russian national identity. The multiethnic and multi-confessional communities of Crimea and Donbass determine the uneven strengthening of Russian identity; this process also depends on the duration of the policy aimed at reintegration with Russia. Therefore, Russian identity in Crimea, especially in industrial cities (Sevastopol, Kerch), is more consolidated than in the recently liberated areas of Donbass, for example, Mariupol. The research reveals the composition of the subjects of identity policy in the new subjects of the federation, which include federal and regional governmental bodies, local governments, political parties, educational institutions and museums, national cultural and religious organizations. Comparing the results of opinion polls, despite their fragmentary nature, the study assumes that the strengthening of Russian identity in Crimea and Donbas was noted in the context of a Special military operation. This is due to the actualization of historical traditions, the adaptation of society to military conditions, and the consolidation of Russian society in the face of a geopolitical threat.

Keywords: Russian identity, identity policy, factors of strengthening identity, the direction of identity policy, memory policy, symbolic policy, Crimea, Donbass

References:

1. Achkasov V.A. (2013) Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity politics in the modern world]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6: Filozofiya. Kul'turologiia. Politologiiia. Prava. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Bulletin of St. Petersburg State University. Serie 6: Philosophy. Cultural studies. Political science. Law. International Relations](4): 71–77. (In Russian).
2. Baranov A.V. (2023) Sotsiokul'turnaia integratsiia rossiiskogo obshchestva pod vlianiem Ukrainского krizisa 2013–2022 gg. i zadachi politiki identichnosti [Sociocultural Integration of Russian Society under the Influence of the Ukrainian Crisis of 2013–2022 and the Identity Policy's Purposes]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting] (1(169)): 10–23. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-1-10-23. (In Russian).
3. Blackburn M. (2022) The Persistence of the Civic–Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe. *National Identities* 24(5): 461–480. DOI: 0.1080/14608944.2021.2006169.
4. Bourdieu P. (1989) Social Space and Symbolic Power. *Sociological Theory* 7(1): 14–25.
5. Brodovskaya E.V. & Dombrovskaya A.Y. (2023) Tsennostnye orientatsii i politicheskie ustanovki zhitelei LNR i DNR: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia v 2023 godu [Value Orientations and Political Attitudes of Residents of the LPR and DPR: Results of a Sociological Study in 2023]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences] 18(6): 88–102. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-6-88-102. (In Russian).

6. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu. & Karzubov D.N. (2017) *Obraz istoricheskogo proshlogo Rossii v predstavleniakh molodezhi Kryma i Sevastopolia: rezul'taty prikladnogo issledovaniia* [The Image of Russian History in the Crimean and Sevastopol Student's Attitudes: The Results of Applied Research] *Paradigmy i istorii obshchestvennogo razvitiia* [Paradigms and histories of social development] (6–7): 51–61. (In Russian).
7. Castells M. (2009) *The Power of Identity, 2nd edition, with a New Preface*. Hoboken, Wiley-Blackwell.
8. Cherkashin K.V., Terkulov V.I. & Tamer'yan T.Yu. (2023) *Etnicheskaia samoidentifikatsiia zhitelei Donbassa* [Self-identification of Donbas Residents]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics] (1(97)): 113–128. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_13. (In Russian).
9. Drobizheva L.M. et al. (2021) *Kliuchevye konsolidatory rossiiskoi identichnosti* [Key consolidators of Russian identity]. In: *Soderzhatel'nye osnovy rossiiskoi identichnosti. Regional'nyi i etnokul'turnyi konteksty* [The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts]. Moscow, FNIST RAS. P. 37–48. (In Russian).
10. Evgenieva T.V. (2024) *Simvolicheskoe prostranstvo kak faktor formirovaniia rossiiskoi identichnosti zhitelei Respubliki Krym i goroda Sevastopolia* [Formation of Russian Identity in the Crimea and Sevastopol City]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanitarian and Social Sciences. Bulletin of the Financial University] 14(2): 109–114. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-109-114. (In Russian).
11. Fedorovskii Iu.R. (2020) *Internatsional'noe Dvizhenie Donbassa – pervye donetskie avtonomisty* [The International Movement of Donbass – the first Donetsk autonomists]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities] (3): 66–78.
12. Gal'chenko A.S. (2020) *Issledovanie konsolidiruiushchikh faktorov formirovaniia grazhdanskoj identichnosti studencheskoi molodezhi (na primere Respubliki Krym)* [The study of consolidating factors in the formation of the civic identity of students (on the example of the Republic of Crimea)]. *Gumanitarnye nauki* [Humanities] (2(50)): 38–45.
13. Gaman-Goluvina O.V. (2024) *Kontsept identichnosti: dvizhenie ot abstraktnogo k konkretnomu* [The Concept of Identity: Movement from the Abstract to the Concrete], *POLIS. Politicheskie issledovaniia* [POLIS. Political Studies] (3): 177–191. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.12. (In Russian).
14. *Grazhdanskaia identichnost' i mezhetnicheskie otnosheniia v Krymu. Polevaia etnostatistika* [Civil identity and interethnic relations in Crimea. Field ethnostatistics] (2016) Compiled by V.Ju. Zorin, R.A. Starchenko, V.V. Stepanov. Moscow: Letnii sad. (In Russian).
15. Hart D., Richardson C. & Wilkenfeld B. (2011) *Civic Identity*. In: Schwartz S., Luyckx K. & Vignoles V. (eds.) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer. P. 771–787.
16. Henke N. (2020) *Identity and Nation-Building in Ukraine: Reconciliation of Identities from a Conflict Prevention Perspective*. ECMI Research Paper No 125. Flensburg: The European Centre for Minority Issues (ECMI).
17. Gerasimova A.V. (ed.) (2019) *Identichnost' naseleniia v usloviakh rossiisko-ukrainskogo prigranich'ia: problemy sotsial'nogo konstruirovaniia i dinamika povsednevnykh praktik: Analiticheskii otchet sotsiologicheskogo issledovaniia* [The identity of the population in the conditions of the Russian-Ukrainian border area: problems of social construction and the dynamics of everyday practices: An analytical report of a sociological study]. Lugansk: Luganskii natsional'nyi universitet imeni Tarasa Shevchenko; «Luganskii gosudarstvennyi universitet imeni Vladimira Dalia. (In Russian).
18. Iurchenko S.V. et al. (2024) *Respublika Krym v krosskul'turnykh izmereniakh sotsiopoliticheskoi situatsii 2014–2024 gg.* [The Republic of Crimea in Cross-Cultural Dimensions of the Sociopolitical Situation 2014–2024]. Simferopol: Arial. (In Russian).
19. Karmazina M.S. (2016) *Politichni identichnosti v suchasniï Ukraïni: mis'ka gromada Donets'ka* [Political identities in contemporary Ukraine: the local community of Donetsk]. Kyiv: Institute of Political and Ethnonational Studies after I.F. Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine. (In Ukrainian).

20. Kas'ianov G.V. (2018) *Past Continuous: Istorichna politika 1980-kh – 2000-kh: Ukraina ta susidi [Past Continuous: Historical Policy of 1980th–2000th: Ukraine and its Neighbors]*. Kiev, Laurus: Antropos-Logos-Fil'm. (In Ukrainian).
21. Khobta S.V. (2013) Granitsa, natsional'naia i regional'naia identichnosti v vospriatii zhitelei Donbassa [Border, national and regional identities in the perception of residents of Donbass]. *Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Sotsiologichni nauki [Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University. Sociological Sciences]* 23(282): 64–77. (In Ukrainian).
22. Kiselyova N.V. et al. (2015) *Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskii opyt, sovremennye problemy i perspektivy ikh resheniia [Ethnopolitical Processes in Crimea: the Historical Experience, Contemporary Challenges and Solution Prospects]*. Simferopol: Salta.
23. Knott E. (2018) Identity in Crimea Before Annexation: A Bottom-Up Perspective. In: Kolsto P. & Blakkisrud H. (eds.) (2018) *Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 282–305.
24. Knyazeva E.V. (2013) Samoidentifikatsiia naseleniia luzhnoukrainskogo regiona: "neukrotimost' primordial'nogo". [Self-Identification of the Population of the South Ukrainian Region: "The Indomitability of the Primordial"]. In: *Sotsial'nye identichnosti v dinamike institutsional'nogo i samoorganizatsionnogo [Social Identities in the Dynamics of Institutional and Self-Organization]*. Odessa: VMV. P. 267–284. (In Russian).
25. Kodzha E.A. (2022) Vzaimosviaz' identichnostei, akkul'turatsionnykh ozhidanii i psikhologicheskogo blagopoluchiiia russkikh zhitelei Kryma [The Relationship Between Identities, Acculturation Expectations and Psychological Well-Being of Russians in the Crimea]. *Psikhologicheskie issledovaniia [Psychological Studies]* 15(82): 3. DOI: 10.54359/ps.v15i82.1084. (In Russian).
26. Kudelia S. (2014) Donbasskii razlom [Donbass Rift]. *Kontrapunkt [Contrapunkt]* (1): 5–13. (In Russian).
27. Kudelia S. (2015) Vnutrennie istochniki donbasskogo vosstaniia [Internal Causes of the Donbass Uprising]. *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury [Forum of the Current Eastern European History and Culture]* (2): 25–33. (In Russian).
28. Kudreiko I.A. (2018) Donetskii regiolekt v ego statusnykh kharakteristikakh: foneticheskii aspekt [Donetsk regional dialect in its status characteristics: phonetic aspect]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]* (5(128)): 122–126. (In Russian).
29. Kulbachevskaya O.V. (2019) Etnosotsial'naia situatsiia i mezhetnicheskie otnosheniia v Krymu [Ethno-social Situation and Interethnic Relations in Crimea]. *Vestnik antropologii [Herald of Anthropology]* (4(48)): 106–118. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/106-118. (In Russian).
30. Laclau E. (ed.) (1994) *The Making of Political Identities*. London, Verso.
31. Lapkin V.V. (2023) Slozhnoe obshchestvo [A Complex Society]. In: *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polia [Identity: The Individual, Society and Politics. New Outlines of the Research Field]*. Moscow: Ves' Mir. P. 36–44. (In Russian).
32. Malyarenko T. & Wolff S. (2019) Identity and Identity-Building in Donbas Before and After the Beginning of the Conflict. In: *The Dynamics of Emerging De-Facto States: Eastern Ukraine in the Post-Soviet Space*. Milton Park, Abingdon: Routledge. P. 30–43.. DOI: 10.4324/9780429448409-4.
33. McCrone D. & Bechhofer F. (2015) *Understanding National Identity*. Cambridge, Cambridge University Press.
34. Mchedlova M.M. & Sargsyan H.L. (2021) Grazhdanskaia identichnost': raznoobrazie smyslov i dostizhenie solidarnosti [Civic Identity: Diversity of Meanings and Achievement of Solidarity]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Politologiiia [RUDN Journal of Political Science]* 23(4): 648–658. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658. (In Russian).

35. Nakonechny M.V. (2015) Problema regionalizovanoi identichnosti Donbasu v konteksti natsional'noi identichnosti Ukraini ta reintegratsii regionu [The problem of regional identity of Donbass in the context of national identity of Ukraine and the reintegration of the region]. *Gileia [Gileya]* (98): 394–397. (In Ukrainian).
36. Nelina L.P., Yarmak O.V., Irkhin A.A. (2020). Istoricheskii komponent gosudarstvenno-grazhdanskoi identichnosti studencheskoi molodezhi Respubliki Krym i Sevastopolia [The historical component of the state-civic identity of the student youth of the Republic of Crimea and Sevastopol]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Filosofii. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University of Philosophy. Political science. Cultural studies]* 6(1): 116–127. (In Russian).
37. Pakhomenko S.P. (2015) Faktor identichnosti v ukrains'kii krizi: priklad Donbasu [Identity Factor in Terms of Ukrainian Crisis (on the Example of Donbass Region)]. *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Ser.: Istorii. Politologiya [Bulletin of the Mariupol State University. Serie: History. Political Science]* (12): 245–253. (In Ukrainian).
38. Popova O.V. (2019) Gosudarstvennaia politika identichnosti kak teoreticheskii konstrukt i real'naia praktika: opyt ekspertnykh otsenok rossiiskikh issledovatelei [Identity Policy at National Level as a Theoretical Construct and Real Practice: Expert Assessments Attempt]. *Iuzhno-Rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk [South Russian Journal of Social Sciences]* 20(4): 74–91. DOI: 10.31429/26190567-20-4-74-91. (In Russian).
39. Pupykin R.A. et al. (2022) *Russkii Donbass: fronty i frontiry [Russian Donbass: Fronts and Frontiers]*. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University. (In Russian).
40. Riabinin E.V. (2025) *Ukraina protiv Donbassa: Voina identichnosti [Ukraine Against Donbass: The War of Identities]*. Moscow: Veche Press. (In Russian).
41. Rudenko M.V. & Onopko O.V. (2021) Doktrina "Russkii Donbass": ideino-teoreticheskie osnovy i politicheskoe znachenie [The Doctrine of 'Russian Donbass': Ideological and Theoretical Foundations and Political Significance]. *Voprosy natsionalizma [Studies in Nationalism]* (1(33)): 126–133. DOI: 10.24412/2218-1229-2021-1-126-133. (In Russian).
42. Sakwa R. (2015) *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London: IB Tauris.
43. Samarkina I.V. & Bashmakov I.S. (2023) Politika formirovaniia grazhdanskoi identichnosti molodezhi v novykh sub"ektakh RF: modeli i tekhnologii [The Policy of Youth Civic Identity Formation in the New Subjects of the Russian Federation: Models and Technologies]. *Iuzhno-Rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk [South Russian Journal of Social Sciences]* 24(4): 87–102. DOI: 10.31429/26190567-24-4-87-102. (In Russian).
44. Sasse G. & Lackner A. (2018) War and Identity: the Case of the Donbas in Ukraine. *Post-Soviet Affairs* 34(2–3): 139–157. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209.
45. Savin S.D. (2019) Natsional'naia identichnost' i istoricheskoe soznanie krymchan (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia) [National identity and historical consciousness of the Crimeans (based on the materials of a sociological study)]. In: *Mif. Kul'tura. Etnos [Myth. Culture. Ethnic group]*. Simferopol: Arial. P. 133–140. (In Russian).
46. Semenenko I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika [Identity: The Individual, Society, and Politics]*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
47. Semenenko I.S. (ed.) (2023) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Nove kontury issledovatel'skogo polia [Identity: personality, society, politics. New contours of the research field]*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
48. Semenenko I.S. (ed.) (2023) Mezhdru gosudarstvom i natsiei: dilemmy politiki identichnosti na postsovet'skom prostranstve [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies]. *POLIS. Politicheskie issledovaniia [POLIS. Political Studies]* (5): 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05. (In Russian).
49. Seniushkina T.A. (ed.) (2022) *Natsional'naia identichnost' i kollektivnaia pamiat': mezhdru proshlym i budushchim [National Identity and Collective Memory: Between Past and Future]*. Simferopol: N. Orianda. (In Russian).

50. Sosnovskii D.V. (2013) Sovremennaiia krymskaia regional'naia identichnost': opyt i perspektivy [Contemporary Crimean regional identity: experience and prospects]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura [Ethnosocium and Interethnic Culture]* (5(59)): 164–173. (In Russian).
51. Tatarinov I.E. (2020) Transformatsii identichnostei v epokhu globalizatsii (na primere rossiisko-ukrainskogo prigranich'ia na Donbasse) [Transformations of identities in the era of globalization (on the example of the Russian-Ukrainian border area in the Donbass)]. In: *Globalistika–2020: Global'nye problemy i budushchee chelovechestva [Globalistics 2020: Global problems and the future of mankind]*. Moscow: Interregional Public Organization for the Promotion of the Study and Propaganda of Scientific Heritage of N.D. Kondratyev. P. 578–584. (In Russian).
52. Tokarev A.A. (2016) Budushchee Donbassa: sravnitel'nyi analiz rossiiskogo, gruzinskogo i moldavskogo opyta resheniia problem s setsessiiami [The Future of the Donbass: A Comparative Analysis of the Russian, Georgian and Moldovan Experience of Solving Secession Problems]. *Regionologiya [Regionology]* (3): 30–48. (In Russian).
53. Tsuprik M.I. (2023) Politicheskaia identichnost' zhitelei Respubliki Krym v kontekste spetsial'noi voennoi operatsii [Political Identity of Residents of the Republic of Crimea in the Context of a Special Military Operation]. *Zakon i vlast' [Law and Power]* (2): 26–29. (In Russian).
54. Vnukova L.B. & Vlaskina T.Yu. (2021) Samoidentifikatsiia zhitelei Donbassa v kontekste sotsial'no-politicheskikh vozzrenii: sotsial'no-lingvisticheskii aspekt [Self-Identification of Donbas Residents in the Context of Socio-Political Views: A Sociolinguistic Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]* (463): 73–86. DOI: 10.17223/15617793/463/10. (In Russian).
55. Zadorin I.V. (2018) Regiony "rubezha": territorial'naia identichnost' i vospriiatie "osobosti" [Regions of the "frontier": territorial identity and perception of "specialness"]. *Politiia [Polity]* (2(89)): 102–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136. (In Russian).
56. Zeveleva O. & Bludova A. (2019) Borders Moving Across People: Narratives of Belonging Among Crimean Youth After 2014. *Current Sociology* 67(7): 1056–1076. DOI: 10.1177/0011392119846929.